

* * *

Жил бедный еврейский мальчик
За крайним окном от входа,
Жил бедный еврейский мальчик,
А солнце жило поодаль,
Лучи его попадали
На крашеный пол местами,
Но это такой подарок,
Что нынче ж его не станет.

Он рос и играл на флейте,
На чёрной костлявой палке,
Совсем как другие дети,
Только пореже плакал.
Его колотили братья,
А он не ходил в задирах —
Иного рода занятие
Душою его водило.
Он — верно, один из класса —
За книгой сидел ночами,
И грозный мир простирался
За узенькими плечами.
Его населяли скалы,
Индейцы, моря, растенья,
И вёрткая нить рассказа
Ввергала его в смятенье:
Ему хотелось иного,
Совсем несложного века,
Пригодного шириною
Для бога и человека, —
О, только без рук в карманах,
Предательства и скандалов!
И чтобы душа прямая
Одну любовь постигала.
Но, мальчик, за годы эти,
Что можешь ты в ней постигнуть, —
Любовь не одно столетье
Держали в закрытых книгах.
Уж так повелось на свете,
И незачем тут виниться:
Тайком вырывают дети
Из нашей любви страницы...

Мой мальчик, глуха ли похоть
К горячим увещеваньям?
Ты хочешь добра эпохи? —
Но ей ведь и так неплохо,
С машинами и вещами.

ВОПРОСИКИ

Ты родился впотьмах,
Белый снег, на ладони не тающий?
Как туманны твои очертанья в дымах —
Все не та ещё?
Что-то мягкое снится — но это пройдёт, не волнуйся.
Темнота на ресницах —
Плывём, не забыть бы вернуться.
Этим городом ранним,
Ранним — им дышать не придётся.
Не родившись, теряем —
Дешёвый смешок парадокса.
Чуть колышимый ветром,
В развалинах снов уценённых,
Словно маленький Вертер
Проходит босой пацанёнок, —
По обманному мху,
По ладони, усеянной иглами,
Я играть не могу:
Мы с партнёром по детству не сыграны.
Разве в пыльных музеях,
Средь праздно изваянных граций,
Мне в свою одиссею
До гроба дано наиграться.
Что в игре уцелеет? —
Короткие крылья заката
Да младенческий лепет
Времён, погребённых когда-то,
Где бреду я неузнан
И как бы в ином измерении,
Далее имени узы
Сменив, ненавистные зрению.
Как вздымается грудь!
Я невольно ступени считаю.
Путь прерывисто-крут —
Вместе с ним до небес вырастаю.
Наклонённые башни,
Обещанный миг охлаждающий!

Это я, но вчерашний,
Это ты, но в сегодня входящий.
Наши роли просты:
Надо вжиться в единое время —
Не оно ль с высоты
Нас объёмлет столетьями всеми,
Замыкаясь в кольце,
Как зыбучее тело трясины?
Это грех на отце
За распятого внуками сына.
Это авелев крик
На устах неповинного камня,
Удушающий миг
На гортани твоей замыкая.

* * *

Сколько долгу на мне — не считал,
Сколько лет на кону — бумеранг.
Бог Поэзии, принц Ниццета,
О, не всё ж без конца выбирать!
Слово — жить — бумеранг — умирать.

* * *

Качался дом... И ночью
Забился дождь, как птица в кулаке,
Не представляя этот сон воочью,
Себе я снился. Где-то вдалеке
Качался дом...

Мимо разбитых стёкол, осквернённых кладбищ,
Прочь от покровов, содранных с земли.
Себе я снился, словно древний кладезь

Любви и ненависти. Дом спалив,
Стоял я над своим разверстым гробом,
Как бы боясь перед собой уйти,

И смерть спокойным панцирным сугробом
Калила мозг и леденила стих...

И понял я тогда, от скольких радуг
Освобождён летящий человек, —
Он пьян и не выносит неба на дух,
Но это с ним и это в нём навек.

★ ★ ★

Нет на свете земли, за которую стоило биться.
Под пятой энтропии прохладна она и чужда.
Словно демон пустыни, поводит ноздрями убийство,
Приходя в города.

О, мой ангел небесный, зачем говорить понапрасну?
Оглянись и увидишь, что пала бессмертная рать.
Если время земное тебе не покажется рабством —
Есть ли смысл умирать?

ЗРЕЛОСТЬ СВЕТА. СЕЗАНН

Красные руки ласкают,
Белые — хлеб подают.
Рушится красная скатерть
В детски-крахмальный уют.
Устлано иглами ложе
В дальнем сосновом раю.
Красный побег невозможен? —
— В белом раздумье стою.

* * *

Внезапно выравнивается росток —
Затем, что приходит пора возмужанья.
Душа степенеет — и прежний восторг
Сужает до кроткого самодержавья.
И что б ей томиться, по чём или ком,
Ступая, как в воду, в прохладную зрелость —
Покуда в земле, обожжённой ростком,
Хоть малому зёрнышку не отболелось?..

* * *

Погоди... На ладонях смола
Запеклась лиловеющей коркой...
Жизнь и вправду когда-то была,
И не жаль её, праздной и горькой.
Только нужно отбросить слова
И придти на песчаную пустошь,
И упасть, словно тень от ствола,
Но меня ты и впредь не отпустишь.
Ты мела волосами песок,
Собирая улов позолоты:
То его между пальцами ног
Запекая в ажурные соты,
То ревнуя его и гребя
На плаву непостижном руками...
Он сумел заарканить тебя,
Расцарапать о мокрые камни.
А когда ты спала на волне,
Неизвестно чему улыбаясь,
Что-то грубо вставало во мне
И о гордость мою ушибалось...
Мне казалось, гудел океан
За грядую грудных переборок
Или бредил угрюмый орган,
Неуклюже вступая за хором...
Знаю я, что тебя уже нет
На песке, замутнённом прибором,

Я сумею глядеть тебе вслед,
Но не в силах идти за тобою.
Нет, проститься с тобой, до конца,
Невозможно стоять на причале:
Нет на свете такого лица,
Где бы губы мои не кричали!
Память, память! И всё ж не темна,
В тихом доме, где всё нежилое,
Где поёт молодая струна,
Не рискуя задеть за живое.

* * *

Вретище. Рубище. Чёрные звуки оков.
/Или вериги во мне ещё не отзвучали?../
Встретишься. Влюбишься. — Боже, но ведь не таков!
Не для меня эту кроткую жизнь завещали.

Ты как засада на тропах моих залегла,
В сердце вселилась и мысли стеснила оградой —
Так всемогуще — страданья живая игла
Вдруг озаряет пространство уснувшего Ада!

Негде расстаться и встретиться негде двоим.
В этом огромном — когда и кому доведётся! —
И, к молчаливым корням прилепившись твоим,
Слушать, как сердце в ночи безотчётное бьётся.

* * *

Так ускользает поцелуй из рук:
Пусть бабочкой — в какую оболочку
Вместится твой белоголовый луг,
Тот — бездыханный — безуханной ночью.
Пусть маленькие всадники рязят!
Любовь — аркан с гремучею стрелой.
Прольются слёзы. Вытекут глаза,
И я опять от солнца рану скрою.

V. D. (VENERIAN DISEASE)

Багровой белкой растревоженная страсть,
Нагое лоно.
Я не могу, я не хочу в тебя запасть —
Ты непреклонна.
Прольётся ночь и не окончится добром,
Мой белый лебедь,
Мы ни крупинки друг из друга не вберём,
Но кто ответит, /кто ответит/.
О, почему недолговечен парашют
Раскрытый в тайну,
Когда я до смерти тобою надышусь —
Тебя не станет.
/Тебя не станет/ Ты уходишь в немоту,
К чужим столетьям,
До крайней косточки вместимая в мечту, —
Спасёшься ль этим?
Так ты уходишь и звучишь, как тишина,
Как зов нейтринный,
Невытравимо пронизающий, до дна
Невытравимый.

НЕ СУДЬБА

Погуби меня, обвей меня дыханьем трав,
О сестра моя, нежданная сестра!
Упади единый волос с головы твоей —
Удушью на сердце голубей.
Я не знал тебя подавно, да и знал ли кто
Порожденье пуха и смолы,
Привезли тебя в подарок — в голубом авто?
Иль на спинах тёплые слоны?
Мимо лёгких фанз китайских,
Мимо длинных стен
Чёрных лотосов прозрачные слова
Закружились, опадая у твоих колен,
Но тебя не тронула молва.

Я не знал тебя, не звал тебя на дне ночей, —
Это только выдумка одна,
Будто помнишь, погибая, как звенит ручей
И видны все камешки до дна.

* * *

И знаю я — всё сбудется с тобой,
Каких бы благ душа ни избежала,
Жужжит оса над сладкою губой,
И я, закрыв глаза, целую жало.

* * *

Эта нежность сродни великаньей,
Я не брошу обтёсывать камни:
Ваше имя когда-нибудь в них
Отзовётся печально и глухо,
Словно скрипка, прижатая к уху,
Словно нежность, гордыне сродни...

ГОСПОДЬ

Не знал я, что голубя ранят,
Без них не живущий ни дня.
Я столько столетий был занят,
Что радость щадила меня.
Писал сокровенные книги
И землю их кровью кропил,
И в память о прожитом миге
Лишь имя своё сохранил —
В нём горечь игры без актёрства,
Изгнанье на все времена...
В какое доверие втёрся! —
— За всё рассчитайся сполна.

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА

...Степень родства, степень робости, риска и рабства.
Горло пространства захлестнуто мёртвой петлёй.
Не разобраться самим. Нипочём
Не разобраться.
След человека затерян меж богом и тлём.

Лучше слагать славословье могучему Пану
/Будь же ты проклят, нашёптанный кем-то напев!/
Лучше окончить свой путь не изведав обману,
Флейтой тугой и смолистой в ночи прохрипев.

Лучше пуститься отважной тропой росوماхи.
/Чья это слава, чей крест на вершине горит?/
Кончены споры. Отброшены
Детские ссоры и страхи.
Время страстей миновало,
И разум царит...

Ах, понимаю, зачем жизнь похожа на горло!
Тот — человек — не спелёнутый мышцами хрящ —
В самом рожденье
/Как крик на полслове/
Оборван.
Саван его облачает плотнее, чем плащ.

ПОЭМА ОЖИДАНИЯ

Свитер зазнайства давно перешит —
Значит, и прошлого тоже не надо,
Что за печаль тебе, что за отрада
Тёмную душу свою ворошить.

Перебирая утраты, как струны:
В медленном вальсе, в исходном июне
Целую жизнь озаглавить: «Забудь».
Крыльями бабочки сны оторочить,

Крыльями бабочки, крыльями ночи.
/Ворох стрижей на открытую грудь/

В медленном сне, забываемом вскоре,
Где бы то ни было, — лишь бы не в школе:
Жирные стрелы набегов и дат.
Розовый Пушкин в ухоженных бачках,
Дети в обносках и дамы в собачках,
Римское право и рабский мандат...

Сколько возможностей нам для раздумий!
Мы тут такое кадило раздуем,
Что потускнеют лампы житий.
Чёрная радость и белая злоба,
Крепкая стража, глядящая в оба,
Вмиг отбивая охоту шутить.

Ненависть к детству, смердящему газом,
Запах чесночной, квартирной тоски,
Кубок Нике, присуждённый миазмам,
Страшного фильма немые куски:

Как, свирепея от пьяных регалий,
Вы над девчонкой моей надругались,
Тешась дрожащим её животом;
Как приходил я в себя накануне —
В медленном вальсе, в проклятом июне,
Не сознавая, что будет потом;

Как, заглушая любовные пытки,
/Не разрешайте спиртные напитки/
Я прижимался к сырому столбу,
Чувствуя тяжесть прощального гуда,
Даже без тени надежды на чудо,
Даже без крохотки мысли во лбу...

СТАНСЫ СО СКОБКАМИ

Слова, мой друг, слова,
А надобно призыванье,
Светлейший пот со лба
/О прозы прозябанье!/
Слова, мой друг, слова,

Как мне поверить им,
Чужим или твоим
/Различно-безъязычным/
Первичным ли, двоичным —
Их код непостижим
Одушевленьям личным.

Бегут из-под руки,
Как цифирки легки,
По ленточке раздумий:
Нагнёшься удержать —
Одним дыханьем сдунешь.
/Как важно не дышать/

Слова, слова, мой друг!
Нам мучиться за двух
Загадкой икебаны,—
/Такая уж судьба нам:
Слова, слова, мой друг./

★ ★ ★

Я с ложью покуда управлюсь,
На лобное место взошел,
Но правда, голимая правда-с,
Гонимая вшами взашей?

ЗИМНИЕ МЫСЛИ

Под полом перекатывались мыши.
Январь, мою судьбу переменивший,
Казалось, никуда не убывал,
А становясь фривольней с каждым разом,
Прозрачно намекал лукавым глазом
На прогоравший в печке идеал.

Зима и не пыталась отпираться —
Следы непринуждённого пиратства
Лежали неминуемо на всём:
И том, как я постанывал ногами,
Как сдавливала горло мне клещами
И раннее удушье обещала
Болезнь, непритязательная днём;

Как ощущение становилось бытом
/А может быть, натруженным, избитым,
Давно забытым трюком бытия?/;
Как рос перед глазами промежуток, —
Который был-то не настолько жуток,
Чтобы не свести его к одной из шуток,
Какими покрывает нас земля.

Со стороны прямое сумасбродство —
Сдирать с души телесную коросту,
А между тем я сознавал, что в ней
Я гол и далеко не так надёжен,
Как обнажённым, с простодушной кожей —
Доверчивей? И, стало быть, древней?

О, жизнь моя, тоска по озареньям,
Ты и не снилась бедным назорейм!
Твоя печаль — лишь чей-то пьедестал.
Ещё не поздно перейти на престо,
Дрова в печи не смеют возгореться,
Пока за пультом дирижёр не встал.

Играй же, мой оркестрик бесталанный!
Судьба моя, что не спросясь дала мне
И стол, и кров, — прошу тебя: звучи!
Воспламени продрогшие поленья,
Дай им подняться над золой и тленьем
Неистовыми искрами в ночи!